

А. И. Осипов

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ,
СЕРГИЕВ ПОСАД, РОССИЯ

Истоки Катастрофы и наши последние могикане. Игумен Никон (Воробьёв)

Аннотация. Рассказывается о жизненном пути, богословских идеях и пастырской практике одного из выдающихся православных подвижников в истории Русской Православной Церкви — игумена Никона (Воробьёва) (1894–1963). В юности, поддавшись духу времени, он был сначала атеистом, ревностно изучал разные науки и философию. Однако, не найдя в философии того, что искал, он горячо обращается к вере. В «пограничной ситуации» в его душе совершился полный переворот, и Бог явил Себя тому, кто искал Его всеми силами своей души. В Минске в 1930 году состоялся монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, а затем был рукоположен и во иеромонаха. В то время гонений этот шаг был действительным отречением от мира и прямым путём на Голгофу. В 1944 году он был назначен настоятелем Благовещенской церкви города Козельска. Здесь он жил на квартире у монахинь и вёл в полном смысле слова подвижнический образ жизни. В маленькой комнатухе он всё своё свободное время проводил в молитве. Его проповеди

производили сильное впечатление на верующих, поскольку объясняли Евангелие, как правильно молиться, что такое смирение, покаяние — основы духовной жизни. В 1948 году отца Никона начали гонять по приходам: сначала перевели в г. Белев, затем в г. Ефремов, далее — в г. Смоленск. Его прекрасные проповеди никому не давали покоя, в том числе, нередко, и собратьям. Из Смоленска в 1948 году он был направлен в город Гжатск (ныне Гагарин), по словам батюшки — в ссылку. Отец Никон вёл строгий монашеский образ жизни. У него был дар непрестанной молитвы, который обнаружился случайно. Постоянным чтением игумена Никона были святоотеческие творения, Отцы Добротолюбия, жития святых, проповеди, толкования, редко — учёно-богословские и философские сочинения. Особенно тщательно и постоянно он перечитывал и изучал творения святителя Игнатия (Брянчанинова), которого в качестве истинно духовного отца настоятельно завещал всем своим духовно близким. Суть его наставлений прекрасно выражена в его письмах, которые многократно издавались под разными названиями: «Нам оставлено покаяние», «Письма о духовной жизни», «Внимай себе» и др. Он говорил и писал о том, что сущность проповеди Спасителя заключается в призыве к духовному и нравственному изменению себя через познание повреждённости человеческой природы и неспособности её исцеления своими силами от страстей, прежде всего, глупейшей из них — гордости. Через это познание себя совершается истинное покаяние, обращённое к Христу Спасителю, Который и исцеляет нас.

Ключевые слова: игумен Никон (Воробьёв), история Русской Православной Церкви, революция, советское время, религиозные гонения

Для цитирования: Осипов А. И. Истоки Катастрофы и наши последние могикане. Игумен Никон (Воробьёв) // Ортодоксия. — 2023. — № 4. — С. 30–57. DOI:

Начало XX века ознаменовалось в истории государства Российского многими серьёзными событиями во всех сферах жизни, и прежде всего в политической и религиозной. Достаточно указать на революции 1905 и 1917 годов, чтобы понять, насколько серьёзные произошли изменения во всей внешней и духовной жизни нашего народа. И эти события были совсем не случайными и обусловленными какими-то внешними,

явными или тайными, обстоятельствами. Сами обстоятельства явились лишь инструментами той силы, о которой не знали и сами творцы этих страшных событий, разрушавших и уничтожавших великий народ и его великую культуру.

Но именно эта сокровенная сила явилась причиной всех произошедших политических и прочих событий, и прежде всего — страшной катастрофы Православной Церкви, которая была государственной. Впрочем, это в полной мере относится и к любой другой православной стране.

Почему же это случилось с Российской Церковью? Здесь две взаимоисключающие оценки. Первая исходит из оптимистического понимания состояния Церкви и её положения в государстве и главную причину произошедшего видит в агентах враждебных государств, тайных заговорах, предателях, неудачных правителях и чиновниках, негодных иерархах и так далее. Всё это позволило захватить власть тем враждебным по отношению к Церкви лицам и организациям, которые и совершили свои злодеяния. Эта точка зрения является общепринятой не только в светских, но и в церковных кругах. Она, например, чётко выражена в следующих словах: «Когда 25 октября 1917 года к власти в России пришли большевики, Русская Православная Церковь находилась в зените славы и могущества» (Митрополит Иларион (Алфеев), Корытко, Васечко 2016: 260).

Однако насколько эта оценка соответствует реальному положению Русской Церкви, хотя бы как одной из организаций в государстве, говорят хотя бы следующие слова известного Киевского митрополита¹: «Мы живём в век жестокого гонения на веру и Церковь под видом лукавого о них попечения...» — так писал митр. Арсений ещё в 1862 году. Этот резкий отзыв был бы ещё уместнее несколькими годами позже», — замечает прот. Георгий Флоровский (Флоровский 1981: 344). Особенно такое положение Русской Православной Церкви усугубилось после трагического Указа Николая II о «Веротерпимости...» 1905 года, когда все религии получили свободу, кроме Российской Церкви.

Архиепископ Иларион (Троицкий) писал: «Перед началом войны [1914 г.] Церковь в России была унижена до крайности... И это в то самое время, когда и раскольники, и сектанты... получили полную свободу... И только Православная Церковь не может составить Собора!.. Хотелось воскликнуть: доколе, Господи!»²

¹ Митрополит Киевский и Галицкий Арсений (Москвин) (1795–1876).

² Цит. по: Церковь и общество. — 1998. — № 3. — С. 57.

В феврале 1917 года, когда открылся Поместный Собор, он писал: «Высочайшая резолюция 31 марта 1905 года на докладе Святейшего Синода о созыве Собора: “Признаю невозможным совершить в переживаемое ныне время столь великое дело...”»³ «Годы шли за годами... положение Православной Церкви становилось невыносимым. Церковная жизнь приходила всё в большее и большее расстройство... Отношение царствовавшей династии к Православной Церкви — это исторический пример неблагодарности... Ужасным позором и тяжким всенародным бедствием оканчивается Петербургский период русской истории»⁴.

Внешние оценки положения и состояния Церкви в данном вопросе и оценки святых, независимые от меняющейся политической и идеологической конъюнктуры, решительно расходятся.

Святые единогласно говорят о тяжёлом духовном расстройстве жизни нашего народа, нашей Церкви и это расстройство называют той страшной силой, которая низвергла нашу Церковь и страну в глубокую пропасть. Об этом они говорят прямо, нередко с риском для своего положения в церковной структуре. Вот несколько их ярких высказываний.

Святитель Филарет Московский: «Как время наше походит на последнее! — Соль обуявает [Мф. 5: 13]. Камни святилища падают в грязь на улицу (Плач. 4: 1). С горем и страхом смотрю я в нынешнюю бытность мою в Синоде на изобилие людей, заслуживающих лишения сана» (Письма мит. Филарета 1871: 483). «Видно, грехи наши велицы пред Богом» (Письма мит. Филарета 1872: 210).

Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Россия, пожалуй, находится недалеко от взрыва в ней еретического либерализма. У нас есть хорошая внешность: мы сохранили все обряды и Символ первобытной Церкви, но всё это мёртвое тело, в нём мало жизни»⁵. «С внутренним оскудением и падением монашества неизбежны удары по монастырям извне»⁶.

Святитель Феофан Затворник о церковной жизни: «И часы хорошие идут исправно; но кто скажет, что в них есть жизнь?» (Феофан 2008: 21). «Зло

³ Церковные Ведомости. — 1905. — № 14. — С. 99.

⁴ Цит. по: Церковь и общество. — 1998. — № 4. — С. 60. См. также: Церковь и общество. — 1998. — № 3. — С. 57.

⁵ Цит. по: (Флоровский 1981: 394).

⁶ Цит. по: (Новосёлов 1994: 101).

растёт: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Православие слабеют. Ужели же мы не образуемся? “Попы всюду спят”, “через поколение, много через два иссякнет наше православие”⁷. «Если не изменят у нас образа воспитания и обычаев общества, то будет всё больше и больше слабеть истинное христианство, а наконец и совсем кончится; останется только имя христианское, а духа христианского не будет. Всё преисполнит дух мира»⁸.

Праведный Иоанн Кронштадтский: «Если в России так пойдут дела, и безбожники-анархисты не будут подвержены каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет ... за своё безбожие и за свои беззакония» (Столп Православной Церкви 1915: 402). «Молись Богу кровавыми слезами о общем безверии и развращении России» (Св. Иоанн Кронштадтский 2003: 68).

В 1910 году святитель Серафим (Чичагов) пишет: «Перед глазами ежедневно картина разложения нашего духовенства. Никакой надежды, чтобы оно опомнилось, поняло своё положение!.. Ещё год — и не будет даже простого народа около нас»⁹.

Митрополит Вениамин (Федченков), будучи в 1911 году инспектором Санкт-Петербургской духовной семинарии, рассказывает: «Семинаристы устроили бунт. Утром я обходил спальни и увидел следы его: ручки из дверей были вывернуты; лампадки разбиты; всё прокурено. На обеде семинаристы устроили мне демонстрацию: кричали, свистели, мычали, блеяли» (Вениамин (Федченков) 2003: 68–69).

Приведённые высказывания святых нелицеприятно указывают на действительную причину той катастрофы, которая обрушилась на наш народ, на нашу Церковь, уничтожив во мгновение ока всю эту внешнюю т. н. *славу и могущество*: множество её прекрасных храмов, монастырей, духовных школ, духовенства, монашества. Поэтому Святейший Патриарх Тихон призывал: «Никто и ничто не спасёт Россию от нестроений и разрухи... пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв, а через то не возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в праведности и святости истины (Еф.4: 24)» (Акты Святейшего Патриарха Тихона 1994: 163–164).

⁷ Цит. по: (Флоровский 1981: 397).

⁸ Цит. по: (Флоровский 1981: 425–426).

⁹ Цит. по: (...И даны будут Жене два крыла 2002: 521–522).

Жизнь идёт по непреложным духовным законам, один из которых гласит: «Где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24: 28). И история Церкви показывает: когда ослабевают внимание к единственной цели её существования — духовному исцелению человека, а проблемы плоско земные становятся преобладающими, в ней, то как в теле без души, начинается омертвление. Именно отсюда возникают, растут и умножаются всевозможные беды и в ней, и вне её. Ибо Церковь — это духовная закваска общества и ничто заменить её не может.

Но Бог, который «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Ис. 42: 3), из остатков спасающихся, способных к созиданию Церкви, продолжал воздвигать в ней истинных пастырей и наставников. Многие из них, прежде чем стать таковыми, прошли тяжёлый путь исканий, разочарований, даже отрицания Бога, а затем страданий, нередко до смерти, за найденную с великим трудом и подвигом веру во Христа. Как писал о себе Ф. М. Достоевский: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

Одним из таких ищущих и нашедших Истину был выдающийся человек Николай Николаевич Воробьёв, впоследствии — игумен Никон. Он родился в 1894 году в крестьянской семье в Тверской губернии. В семье было шестеро детей, все — мальчики. В детстве Коля отличался особой честностью и удивительной сердечностью, любовью ко всем. Эти черты он сохранил во всю свою жизнь.

Интересно отметить один эпизод из его детской жизни. В их селе часто появлялся и подолгу у них жил юродивый по прозвищу Ванька-малый. И вот однажды, когда дети играли, он вдруг подошёл к Коле и, указывая на него, несколько раз повторил: «*Это — монах, монах*». Мальчишки, естественно, посмеялись. И лишь впоследствии, когда из всех братьев только Коля стал монахом, вспомнили это удивительное предсказание.

После начальной школы, которую Коля окончил блестяще, отец сумел устроить его в реальное училище в Вышнем Волочке. И здесь он сразу же обратил на себя внимание своими исключительными и разносторонними способностями. Он обнаружил прекрасные математические дарования, был великолепным стилистом (это видно и по его письмам, которые, как правило, не имели черновиков). Пел в хоре (тенор), играл на альте,

готовил рисунки к школьным мероприятиям, поскольку прекрасно чертил и рисовал. Младшие братья¹⁰ рассказывали, что его рисунки продолжали и при них висеть в классах в качестве образцовых. При переходе из класса в класс он неизменно получал награду первой степени (похвальный лист и книгу).

Но в каких условиях жил и занимался Коля в реальном училище?

Из дома ему помогали лишь в начальных классах. Но он страстно хотел учиться. Поэтому, чтобы заработать на хлеб и заплатить за квартиру, после уроков Коля вынужден был идти и помогать отстающим обеспеченным товарищам. Трудности увеличились, когда туда же поступил его брат Миша, помочь которому мог только он. Нужда, голод и холод были его спутниками во всё время обучения. Зимой он ходил в лёгком бессменном пальто и в летних «штиблетах».

Его семья была традиционно православной, но кроме праздников, постов и обрядов не имела никакого знания о христианстве. Поэтому когда после манифестов Николая II о свободе печати, религии началась бурная атеистическая пропаганда, то молодёжь стала легко терять веру.

Это случилось и с Колей. Поступив в реальное училище, он поверил, что наука доказала небытие Бога, и с жадной ринулся в изучение наук, считая, что они ответят на вопрос, не дающий ему ни днём, ни ночью покоя: зачем живёт человек, каков смысл его жизни? Но довольно скоро он понял, что эмпирические науки этими вопросами вообще не занимаются. Вместе с друзьями какое-то время увлекался восточными мистическими культами, йогой, буддизмом. Рассказывал, как однажды в полной тишине один из них продемонстрировал силу своей мысли. У всех на глазах на его руке стало появляться сначала розовое, затем багровое пятно, потом оно начало вспухать и превратилось в пузырь, как от ожога, который прорвался. Рана очень долго не заживала. Но и эти вещи ненадолго увлекли юношу.

И он полностью погружается в изучение истории философии, надеясь здесь найти ответ на всё тот же вопрос. Его ревность настолько была велика, что он часто, оставаясь в прямом смысле слова без куска хлеба, покупал на последние деньги интересную книгу. Так, с древнегреческой

¹⁰ Его младшими братьями были: Саша (1895–1988), Миша (1899–1982), Вася (1903–1961), Володя (1906–1985). Старший брат Ваня скончался в отрочестве.

и европейской началось серьёзное изучение истории философии. Ещё в реальном училище он хорошо освоил немецкий, французский и древнегреческий языки, и это очень помогало ему разбираться в сложных лабиринтах философской мысли. Позже при аресте ему разрешили взять с собой очень маленькую книжечку на непонятном, и потому не опасном для людей, языке. Это было греческое Евангелие.

О степени его исканий в тот период жизни свидетельствует тот факт, что, уже будучи монахом и священником, он в своей библиотеке всё же имел книги далёкого прошлого. Так, одному из своих юных знакомых он давал читать диалоги Платона, «Творческую эволюцию» Бергсона, «Историю древней философии» Виндельбанда, «Очерк истории греческой философии» Э. Целлера и «Греческие мыслители» Т. Гомперца. Из русских мыслителей: А. С. Хомякова, прежде всего его «Несколько слов о западных исповеданиях», письма к Пальмеру и, конечно, «Церковь одна»; статьи И. В. Киреевского, особенно «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»; «Оправдание добра» и некоторые статьи В. С. Соловьёва, хотя и негодовал на его сочинение «Россия и Вселенская Церковь»; «Смысл жизни» кн. Евгения Трубецкого; «Столп и утверждение Истины» о. Павла Флоренского, лекции которого в МДА, как он говорил, много дали ему в научном обосновании веры; «Два града», «Тихие думы» и, с оговорками, «Свет Невечерний» С. Н. Булгакова; сочинения Ф. М. Достоевского, которого считал лучшим писателем-психологом. Но в то же время резко отзывался о некоторых наших философах, оказавшихся за рубежом: «Возьмите Бердяева. Какие кощунственные выражения допускает он о святых отцах! Он их, значит, никогда не читал или читал одним кусочком мозга, без сердца, без души. Он совершенно не понимает христианства и потому писал ложь о святых отцах. И очень многие, особенно в эмиграции, писали о духовных вопросах совершенно неправильные, лживые вещи. Говорит о Боге, а сам — дьявол».

Батюшка хорошо был знаком с классической русской и зарубежной литературой. Всё это *приплывало* к нему от бывшей интеллигенции и хранилось, видимо, как некая память о тех годах, когда он искал истину жизни.

У него, конечно, было много и различной церковной литературы¹¹.

Истинным же сокровищем его библиотеки, как он говорил, были творения святых отцов. Их он искал всюду и собрал немало. Читал их

¹¹ Хочу отметить уникальный «Словарь к Новому Завету», составленный Петром Гильтебрандтом, который представляет большую богословскую ценность, особенно для библеистики, и нуждается в переиздании.

постоянно, можно сказать, ежедневно и много. На них была основана вся его проповедь в храме.

Чем больше приобретал он знаний и становился взрослее, тем более обострённо чувствовал и осознавал, что наука и философия ответа ему на бессмысленность этой жизни, неминуемо кончающейся смертью, не дают.

В конце жизни он говорил: «Изучение философии показало — каждый философ считал, что он нашёл истину. Но сколько их, философов, было? А истина одна. И душа стремилась к другому. Философия — это суррогат; всё равно что вместо хлеба давать жевать резину. Питайся этой резиной, но сыт будешь ли? Понял я, что как наука ничего не говорит о смысле жизни, о Боге, о будущей жизни, так не даёт ничего и философия».

В 1914 году, двадцати лет, Николай блестяще оканчивает реальное училище, но выходит из него без радости. Разуверившись и в науке, и в философии, он предпринимает ещё одну попытку найти научный ответ на главный вопрос жизни: кто есть человек, зачем он живёт? Он поступает в Психоневрологический институт в Петрограде. Однако и здесь его постигло глубокое разочарование. «Я увидел: психология изучает вовсе не человека, а его “кожу”: сознательные и бессознательные реакции, чувства, мысли, память, внушение, скорость психических процессов и т. п. Сплошной материализм, ни о каком смысле жизни и речи нет, всё находится в том же замкнутом пространстве переживаний, ощущений, эмоций, которые есть и у высших животных. А где же человек? Всё списали у немцев. Такая чепуха, что это тоже оттолкнуло меня»¹².

Окончив первый курс, он ушёл из института. Наступил тяжёлый духовный кризис. Никакой перспективы жизни, кроме неминуемой смерти, нет. Начала приходить мысль о самоубийстве. Позднее, вспоминая то время, он писал: «Я когда-то был настолько наивен, что хотел познать душу, изучая курсы психологии. Сколько глупостей делаешь в молодости, когда нет у тебя руководителя».

И вот однажды летом 1915 года, в Вышнем Волочке, когда Николай ощутил такое состояние полной безысходности, у него, как молния, промелькнула мысль о детских годах веры: а что, если действительно Бог существует? Должен же Он открыться? И вот юноша, неверующий, от всей

¹² Здесь и далее цитируется с магнитофонной записи.

глубины своего существа, почти в отчаянии, воскликнул: «Господи, если Ты есть, то откройся мне! Я ищу Тебя не для каких-нибудь земных, корыстных целей. Мне одно только надо: есть Ты или нет Тебя?» И... Господь открылся.

«Невозможно передать, — говорил батюшка, — то действие благодати, которое убеждает в существовании Бога с силой и очевидностью, не оставляющей ни малейшего сомнения у человека. Господь открывается так, как, скажем, после мрачной тучи вдруг просияет солнышко: ты уже не сомневаешься, солнце это или фонарь кто-нибудь зажжёт. Так Господь открылся мне, что я припал к земле со словами: “Господи, слава Тебе, благодарю Тебя! Даруй мне всю жизнь служить Тебе! Пусть все скорби, все страдания, какие есть на земле, сойдут на меня, — даруй мне всё пережить, только не отпасть от Тебя, не лишиться Тебя”».

Долго ли продолжалось это состояние: час, два, он точно не помнил. Но когда поднялся с колен, то услышал мощные, размеренные, уходящие в бесконечность удары церковного колокола. В первый момент он не придал этому значения, полагая, что звонят в монастыре, который был неподалёку. Но звон не прекращался, да и время не для благовеста — за полночь.

Николай недоумевал относительно этого звона, опасаясь, не галлюцинация ли это? Объяснение пришло позже, когда он нашёл подобное же в автобиографических заметках у С. Н. Булгакова в «Свете Невечернем», вспомнил рассказ Тургенева «Живые мощи» в «Записках охотника», где Лукерья тоже говорила, что слышит звон «сверху», не смея сказать «с неба». Он понял, что Господь наряду с внутренним откровением иногда являет человеку и особые внешние знаки для его большего удостоверения.

Так буквально в «пограничной ситуации» совершился полный переворот в мировоззрении. Бог явил Себя тому, кто искал Его всеми силами своей души. Господь ответил на эти искания и дал ему *вкусить и увидеть*, что Он *есть* и что Он *благ*.

Но юноша совершенно не знал, что теперь делать и каков должен быть путь его новой жизни, чтобы не утратить найденной истины. Батюшка рассказывал, как в школе учили Закону Божьему. Преподавание велось настолько мертво, схоластично, что уроки Закона Божьего, вспоминал он, превращались во «время острот и кощунств». Неслучайно преподобный Варсонофий Оптинский говорил: «Революция вышла из семинарии».

Игумен Никон в связи с этим часто говорил, что именно по причине такого «духовного» образования самые злые безбожники выходили из стен духовных школ, а наш народ легко поддался атеистической пропаганде.

Вот что говорил отец Никон о своих дальнейших шагах жизни после обращения. «Я был поражён, когда после такого откровения Божия вошёл в церковь. И раньше ведь приходилось: и дома заставляли ходить, и в средней школе нас водили в церковь. Но что там? Стоял как столб, не интересовался, занимался своими мыслями, и всё.

И вот первое ощущение в церкви после пережитого состояния, что человек — не на земле. Церковь — не земля, это кусочек неба. Какая радость была слышать: “Господи, помилуй!” Это вызывало какое-то восхищение, радость, насыщало...

И когда человек вот так придёт, припадёт ко Господу: “Господи, сам я ничего не знаю (на самом деле, что мы знаем?), делай со мной, что хочешь, только спаси”, тогда Господь начинает вести человека Сам».

И Господь повёл его. «Повёл так, что я после этого года два в Волочке жил, занимался с книгами, молился дома». Это был период «горения» сердца. Он не видел и не слышал того, что делалось вокруг него. Эти два года жизни были у него временем настоящего аскетизма. Впервые он познакомился здесь с творениями святых отцов, впервые, по существу, с Евангелием. Вот что рассказал он об этом периоде:

«И только у святых отцов и в Евангелии я нашёл действительно ценное. Когда человек начнёт бороться с собой, будет стремиться идти путём евангельским, то ему святые отцы сделаются необходимыми и своими родными. Как тоску, уныние, рвоту вызывали эти философии и всякие сектантские гадости, так, наоборот, как к родной матери, приходил к Отцам. Они меня утешали, вразумляли, питали.

Потом [в 1917 г.] Господь дал мысль поступить в Московскую духовную академию. Это много для меня значило». По его словам, благодаря лекциям отца Павла Флоренского он получил здесь теоретическое обоснование бытия Бога, духовного мира, понимание смысла жизни.

Но через год академия была закрыта.

«Затем Господь устроил так, что я ещё несколько лет мог пробыть в Сосновицах [Тверская губерния] один, в уединении». Здесь в средней школе он, имея небольшое количество часов, преподавал математику. Однако его уволили из школы после того, когда он отказался заниматься на Пасху.

В 1925 году он переезжает в Москву и устраивается псаломщиком в Борисоглебском храме. Здесь он близко сходитя с настоятелем храма Николаем Семеняко (в монашестве — Феофаном), которого вскоре возводят во епископа и направляют в Минск. С ним едет и Николай. Там в Козыревской церкви он организует хор, которым и руководит.

В Минске 23 марта (5 апреля по н. ст.) 1930 года состоялся монашеский постриг Николая Николаевича. Он получил имя в честь игумена Радонежского Никона, а затем был рукоположен и во иеромонаха.

Немногие решались на подобный подвиг в это время гонений. Этот шаг был действительным отречением от мира и прямым путём на Голгофу! Она не замедлила прийти и к иеромонаху Никону. В одном из писем он чуть-чуть поделился воспоминанием об этом периоде своей жизни:

«Сегодня, 5/IV–30 года, было Вербное воскресенье. Я получил новое имя. А через три года, тоже 5/IV–33 г., я был verhaften [арестован]. Это было действительно отречение от всего. Наше поколение (их уже мало в живых) буквально было навозом для будущих родов. Потомки наши не смогут никогда понять, что пережито было нами. Достойное по делам нашим восприняли. Что-то вы воспримете? А едва ли вы лучше нас. Да избавит вас Господь от нашей участи!»

Начались первые допросы, некоторые подробности которых стали известны благодаря инициативе священника Феодора Кривоноса, которому разрешили ознакомиться с архивами КГБ в Минске, в том числе и с делом о. Никона. Он был обвинён в антисоветской агитации. Отец Никон на допросах заявлял: «В служители культа я перешёл потому, что мои внутренние искания Бога и Истины привели меня в результате долгих размышлений и переживаний к несомненному убеждению в бытии Бога и необходимости религии для спасения души. Твёрдо веруя в Бога, естественно было прийти к желанию и служить ради Бога, особенно в настоящее время, когда нельзя заподозрить в этом какие-либо корыстные цели» (Кривонос 2007: 169). «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и поясняю, что в контрреволюционных организациях не состоял и не состою. Рясу одел по глубокому убеждению в существовании Бога. Пришёл к этому убеждению в результате исканий всей своей жизни» (Кривонос 2007: 170). На допросах о. Никон не оговорил ни одного

из своих собратьев и сотрудников. Его приговорили к пяти годам заключения (каторги). Он строил Комсомольск-на-Амуре.

В лагере незадолго до своего освобождения о. Никон на короткое время встретился со знакомым епископом Феодосием, который дал ему следующий документ (на всякий случай):

*«19/1–1937 г.
г. Комсомольск-на-Амуре*

Удостоверение

Предъявитель сего иеромонах Никон, в мире Николай Николаевич Воробьёв в вере верности заветам Святой Православной Церкви твёрд, в слове Божиим и святоотеческой литературе весьма начитан, жизни и образа мыслей строго православно-христианского. Крест уз лагерных нёс терпеливо, без уныния и скорби, подавая своею жизнью добрый пример всем его окружающим. С пользою для Православной Церкви может быть использован как приходский пастырь и даже как ближайший верный сотрудник епархиального святителя, что удостоверяю.

*Феодосий (Ващинский),
епископ Кубанский и Краснодарский,
б. Могилевский».*

Тяжёлая рана от этого ареста, перенесённых жестоких допросов и ожидания в любой момент нового ареста и после освобождения очень долго приносили ему страдания. Ещё в Гжатске (с 1948 года) он спал не раздеваясь. Каждый ночной стук приводил его в напряжение — арестовывали ведь по ночам. Так было в те 1920–1950-е годы. Но вот однажды, уже после смерти Сталина, батюшка вдруг радостно сказал: «Всё, меня не арестуют. Сегодня я ощутил полное освобождение от гнёта, почувствовал, что всё прекратилось». Видимо, вопрос о его аресте стоял.

Вследствие зачёта рабочих дней, а в действительности прямым Божиим чудом, батюшка был досрочно освобождён в 1937 году. Его с понятным риском для себя принял в Вышнем Волочке в качестве универсальной прислуги отец товарища по Реальному училищу авторитетный в городе хирург Михаил Львович Сергиевский (1872–1955), заступничество которого потом не раз спасало о. Никона от нового ареста.

Он жил на втором этаже флигеля в небольшой комнатке. Основной дом, флигель и вся большая, порядка полутора гектаров, усадьба ещё целы. На ней батюшка один насадил большой фруктовый сад и огород. Невольно поражает тот объём работ, который выполнял он один! Сейчас, к сожалению, весь участок зарос, запущен — ухаживать некому.

Но здесь ему пришлось пройти ещё один суровый курс науки терпения. Жена врача Александра Ефимовна и её сестра, также врач, Елена Ефимовна были убеждёнными атеистками и в открытой, саркастической форме выражали своё отношение к христианству и к монаху-служке. О том, как он реагировал на это, лучше всего говорят последующие факты из жизни этой семьи. Обе сестры в конечном счёте оставили веру в атеизм и стали настоящими христианками. И привели их ко Христу не просто ум, энциклопедические познания и ясные ответы на самые, казалось бы, сокрушительные вопросы о христианстве о. Никона, но прежде всего его подвижничество и поразительное терпение.

История обращения первой из сестёр очень интересна и необычна. Её описала в своём дневнике Елена Ефимовна.

«30 мая 1940 года. Ещё после смерти сестры, Александры Ефимовны, явилось у меня желание описать её болезнь и смерть, и то, что она частично открывала нам о себе. Пусть то, что я расскажу, послужит во славу Божию.

Сестра моя была неверующая всю свою жизнь. Идеи сестры насчёт веры, Бога и религии были типичны для интеллигента её времени. Она относилась нетерпимо ко всему, что касалось религии, и возражения её часто носили циничный характер. В эти годы в нашем доме жил Николай Николаевич (отец Никон). Я всегда страдала от её тона и не любила, когда Николай Николаевич затрагивал эти вопросы. Любимым возражением сестры на все доводы Николая Николаевича были слова: «Написать-то всё можно, все книги о духовном содержат одно враньё, которое только бумага терпит».

Она безнадёжно заболела (рак желудка) и не переставала глумиться над верой, стала очень раздражительной, потеряла сон, аппетит и слегла в постель. Сперва за больной ухаживал её муж, но от бессонных ночей он стал валиться с ног. Днём у него было много работы в больнице. Тогда мы ввели ночные дежурства с Николаем Николаевичем. У неё был период сильной раздражительности, требовательности, она каждую минуту требовала что-нибудь. Когда ей стало трудно напрягать голос, Николай Николаевич провёл электровознок к её изголовью. Он сидел по ночам в комнате больной.

Приехала из Ленинграда жена старшего сына больной — Е. В., но она недолго погостила. Ей больная рассказывала о своём видении. Видела она, как в комнату вошли семь старцев, одетые в схиму. Они окружили её с любовью и доброжелательством и сказали: “Пусть она его молитвами увидит свет!” Николай Николаевич запретил говорить “его молитвами”, а Е. В. утверждала, что больная говорила именно так. Это явление повторилось несколько раз.

Тогда больная сестра обратилась к Н. Н. с просьбой об исповеди и Причастии.

Она не говела сорок лет. Просьбу больной Н. Н. выполнил сам, и видения прекратились. В душе больной совершился перелом: она стала добра и кротка со всеми. Стала ласкова. [Эта перемена чрезвычайно поразила домашних и всех знавших её.] Н. Н. рассказывал, что после Причастия она рассуждала с ним о том, что если бы это галлюцинации были, то почему же они сразу прекратились после Причастия Святых Тайн и повторялись несколько раз до него? Ум её работал до последнего вздоха. Она сказала, что если бы она выздоровела, то первая её дорога была бы в церковь, в которой она не была сорок лет. Сознание у неё было ясное, и она много думала и говорила: “Каждый человек должен умереть в вере отцов!”»

Эту историю рассказывал и сам батюшка, но передавал только следующие слова старцев: «У вас в доме есть священник, обратись к нему».

О второй сестре, Елене Ефимовне, батюшка говорил, что, уверовав, она так каялась, как ещё никто в его священнической практике. Это было стенание из глубины души. Она приняла монашеский постриг с именем Серафимы. Когда в 1950 году она скончалась и её, врача, как было принято в те времена, хоронили от больницы торжественно, с музыкой, никто не знал, что под подушкой в гробу лежали мантия, параман, чётки.

С открытием церквей батюшка приступил к священнослужению. В 1944 году епископом Калужским Василием он был назначен настоятелем Благовещенской церкви города Козельска, где и служил до 1948 года.

Здесь он жил на квартире у монахинь и вёл в полном смысле слова подвижнический образ жизни. По воспоминаниям общавшихся с ним в то время, он был невероятно истощённым. В маленькой (5–6 кв. метров), отгороженной невысокой тесовой перегородкой комнатухе он всё своё свободное время проводил в молитве (так говорили монахини, которые потихоньку подглядывали и часто видели его стоящим на коленях).

Литургию совершал он кроме воскресных и праздничных дней каждые среду, пятницу, субботу и даже в небольшие праздники. Как правило, проповедовал за каждой литургией, часто и в будни, иногда и за вечерним богослужением, хотя бы народу было и немного. Его проповеди производили сильное впечатление на верующих, поскольку объясняли Евангелие, как правильно молиться, что такое смирение, покаяние — основы духовной жизни.

В 1948 году отца Никона начали *гонять* по приходам: сначала перевели в г. Белев, затем в г. Ефремов, далее — в г. Смоленск. Его прекрасные проповеди никому не давали покоя, в том числе, нередко, и собратьям. Из Смоленска епископом Сергием в том же 1948 году он был направлен в город Гжатск (ныне Гагарин), по словам батюшки — в ссылку. Позднее он писал: «Чтобы остаться в “Окопах”¹³, надо было поступить так, как все делают, а я не хочу; вторая причина — бояться меня везде, думаю, что всё потечёт ко мне... Да будет воля Божия. Лучше жить в захолустье, но с чистой совестью, чем в столице, но путём неправым. Люди, в конце концов, только орудия в руках Божиих. И дурные действия Господь направляет ко благу».

Отец Никон вёл строгий монашеский образ жизни. Вставал в пять-шесть часов, ложился около двенадцати. В неслужебные дни до самого завтрака, который был где-то в одиннадцать часов, молился и читал Новый Завет, толкования, святых отцов. Молился и днём, делая пяти-сотницу (триста молитв Иисусовых, сто — Божией Матери и по пятьдесят всем святым и Ангелу Хранителю), иногда приглашая к этому и других. Ел мало. Редко, лишь по какому-то особому случаю, мог выпить немного сухого вина.

У него был дар непрестанной молитвы, который обнаружился случайно. Однажды он так угорел в бане, что потерял сознание. И когда его несли, то окружающие с удивлением услышали, как он, не приходя в себя, непрерывно произносил молитву Иисусову. Особенно поражены были прибывшие медработники скорой помощи. Но иногда и на фотографиях видно его самоуглублённое состояние.

Постоянным чтением игумена Никона были святоотеческие творения, Отцы Добротолюбия, жития святых, проповеди, толкования, редко — учёно-богословские и философские сочинения. Особенно тщательно и постоянно он перечитывал и изучал творения святителя Игнатия

¹³ Один из районов в Смоленске, где был действующий храм.

(Брянчанинова), которого в качестве истинно духовного отца настоятельно завещал всем своим духовно близким. Его творения батюшка считал лучшим руководством для нашего времени в духовной жизни. Он особенно подчёркивал, что без постоянного руководства творениями святителя монашество в наше время невозможно. Вообще он много читал. Если ему в руки попадала интересная книга, то он не расставался с ней целый день, мог не спать и ночь, пока не прочитывал её. Зная французский и немецкий языки, он иногда читал и иностранную литературу.

Он никогда не оставлял на будущее разрешение вопроса, возникшего при чтении Священного Писания. Сразу же брал имеющиеся у него толкования на Новый Завет: святителя Иоанна Златоуста, блаженного Феофилакта, святителя Феофана (Говорова), архиепископа Никифора (Феотоки), архимандрита (потом епископа) Михаила (Лузина), прот. Василия Гречулевича, Александра Иванова. Толкование отдельных мест он находил в творениях святых отцов, преимущественно аскетических, которые постоянно и тщательно изучал.

Имущества у него никакого не было. В Гжатск приехал, имея старую зимнюю рясу одного оптинского иеромонаха, поношенный тёплый подрясник, который он через некоторое время сжёг ввиду полной его ветхости, летнюю рясу с двумя или тремя лёгкими подрясниками. Вот и всё его имущество, если не считать ещё нескольких алюминиевых ложек и вилок. Он органически не мог переносить чего-то сверхнеобходимого, называя всё это мусором, захламляющим душу. Многая имена, повторял он, умножает печаль (заботы). Был решительным противником всякой красоты, мягкости, элементов какой-либо роскоши, говоря, что всё это развивает в человеке тщеславие, праздность и глупое, пустое самомнение. Его одежда всегда была сшита из самого дешёвого материала портняхой-самоучкой и выглядела иногда довольно неуклюже. Но он был доволен этим. Всячески предостерегал от привязанности к вещам, удобствам, комфорту и их источнику — деньгам. Сам постоянно помогал, чем мог, очень многим. Уже после его кончины обнаружились несколько случаев, когда он неожиданно давал деньги совсем незнакомому человеку, находившемуся в отчаянном положении.

Он никогда не снимал подрясника — ни дома, ни в городе, в том числе и в Москве, ни на огородных и других работах, на которых трудился много, иногда до изнеможения. И в то же время никогда не одевал монашеской мантии, клобука, говоря, что эта форма естественна в монастыре, но не

на приходе. Многие одеждой хотят показать свою духовность. Но духовность — в жизни, а не в одежде. На приходе и рясы достаточно.

Он не позволял сделать себе какую-либо услугу, что-то принести, убрать и проч., поскольку считал, что без крайней нужды нехорошо, грешно пользоваться трудом другого человека. Пока были силы, много трудился физически. Трудился до полного изнеможения. Он сам загружал и вычищал в доме котёл, который топили углем и был очень неудобным для пользования, делал парники, высаживал в них разные овощи, копал огород, обрабатывал плодовые деревья и кустарники, пилил и колол дрова и т. д. Насадил огромный сад в Вышнем Волочке, два сада в Козельске. В Гжатске — не только большой сад и питомник, из которого бесплатно раздавал всем желающим в городе яблони, вишни, груши, смородину, крыжовник. Много пришлось ему проводить и строительно-ремонтных работ.

Игумен Никон не выносил праздности и всегда что-то делал: читал, молился, много трудился физически, разговаривал на духовные, иногда богословские, темы. Политические темы практически не затрагивал. Но о событиях революции 1917 года говорил: «Как будто ад выплеснул на нашу землю». О Западе он повторял следующие слова: «Европейские народы всегда завидовали России, старались делать ей зло. Естественно, что и на будущее время они будут следовать той же системе» (Епископ Игнатий (Брянчанинов) 1875: 31). Поэтому говорил: «Хорошо, что у нас граница закрыта. Это великая милость Божия к нашему народу. Нас бы завалили (особенно Америка) дьявольской, сатанинской и сектантской литературой, а русские люди очень падки на всё заграничное и окончательно погибли бы». Прочитав «Один день Ивана Денисовича», сказал: «Солженицын, видимо, был на курорте, а не в лагере заключённых». Когда умер Сталин и велено было служить панихиду, то после неё поделился: «Молился от всей души, и думаю, что хотя на одного беса стало меньше около него».

Он был человеком, который не знал, что такое человекоугодие, и не выносил людей лстивых, лукавых. Последним от него обычно доставалось. Он говорил, что льстит тот, кто сам жаждет получить похвалу, и самый отвратительный человек — лукавый.

Вёл себя батюшка чрезвычайно просто. С ним легко было разговаривать, независимо от разницы в возрасте. Был рад, когда задавали вопросы по существу, особенно о духовной жизни. Мог иногда и пофилософствовать, побогословствовать. Но не терпел пустых разговоров, воспоминаний, пересудов и т. п.

Батюшка очень любил лес, который был в пяти минутах ходьбы от дома. Ходил в любое время года. Летом за грибами с ним обычно собиралась целая команда, от мала до велика, поскольку в это время и к батюшке, и к его близким приезжали многочисленные родные, дети, внуки. Но было не просто весело, а полезно. Поскольку на привале обычно начинались разговоры, вопросы, ответы.

Иг. Никон очень боялся дешёвой народной молвы, говорил, что народ всегда ищет чудотворцев, прозорливцев, целителей, блаженных, но не тех, кто помог бы избавиться от тщеславия, зависти, гнева, самолюбия.

«Народ в своём подавляющем большинстве, — скорбел батюшка, — совершенно не знает христианства и ищет не пути спасения, не вечной жизни, а тех, кто бы помог ему что-то “сделать”, чтобы сразу избавиться от той или иной скорби». Приходящим к нему с подобным настроением он говорил: «Не хочешь скорбей — не грешь, раскайся искренне в своих грехах и неправдах, не делай зла ближним ни делом, ни словом, ни даже мыслью, почаще храм посещай, не откладывай надолго причастие, молись, относись с милосердием к своим близким, соседям, прощай всех, тогда Господь и тебя помилует, и если полезно, то и от скорби освободит». Некоторые после таких слов уходили недовольными, так как ожидали, что скажет, какую молитву перед какой иконой читать или кому молебен заказать, в какой монастырь к какому прозорливому поехать, что «сделать», — а он строго говорил о необходимости примириться со всеми, перестать воровать, лгать, клеветать, почаще исповедоваться и причащаться.

Суть его наставлений прекрасно выражена в его письмах, которые многократно издавались под разными названиями: «Нам оставлено покаяние», «Письма о духовной жизни», «Внимай себе» и др. Он говорил и писал о том, что сущность проповеди Спасителя заключается в призыве к духовному и нравственному изменению себя через познание повреждённости человеческой природы и неспособности её исцеления своими силами от страстей, прежде всего глупейшей из них — гордости. Через это познание себя совершается истинное покаяние, обращённое к Христу Спасителю, Который и исцеляет нас.

Его письма наиболее сильно свидетельствуют о нём, как он верил, чем жил и чему учил тех, кто к нему обращался.

Есть целый ряд и других фактов, говорящих о том, кто он.

ВАНЬКА-МАЛЫЙ

Интересно отметить один эпизод из его детской жизни. В их селе часто появлялся и подолгу жил юродивый по прозвищу Ванька-малый, которого охотно привечали родители Коли. И вот однажды, когда дети играли дома, этот юродивый вдруг подошёл к Коле и, указывая на него, несколько раз повторил: «*Это — монах, монах*». Эти слова ничего, кроме смеха, ни у кого не вызвали. Лишь впоследствии, когда из всех братьев только Коля стал монахом, вспомнили это удивительное предсказание.

Этот Ванька-малый был действительно прозорливым. Он также за несколько десятков лет предсказал смерть матери Коли в Таганроге. Как-то, подойдя к ней и сложив руки трубочкой, стал наигрывать: «*Дуру-дара, дуру-дара, в Таганроге жизнь скончала*». В семье тогда никто даже не слышал о существовании такого города. В 1930-х годах она действительно переехала в Таганрог к сыну Василию и там скончалась.

Вот несколько рассказов разных людей об игумене Никоне от первого лица.

ЛИЗА

У этой девушки руки и ноги едва двигались. Иг. Никон на Успение Божией Матери опустил на её голову плащаницу, и её руки исцелились. И она потом в течение 60 лет работала портнихой. Она рассказывала: «Я сразу не обратила внимания на руки, но когда приехала домой, вдруг увидела — руки-то здоровы».

КОШКА С КОТЯТАМИ

Однажды в Козельске батюшку пригласили домой на чай. Мне было 7 лет. Я встретил его на улице и рассказал о своей трагедии — окотилась кошка, а котят не кормит. Он меня погладил по головке и говорит: «Ну, ничего». И я с ним пошёл домой. Там сели за стол. И вдруг кто-то с улыбкой показывает на пол. Перед всеми нами на полу растянулась наша кошка, мурлычет и кормит своих котят. Я, понятно, пришёл в неопишуемый восторг. И на всех этот случай, помню, произвёл большое впечатление.

МОЙ РОСТ

У меня рост был менее 150 см. И я не рос. Но вот однажды, когда мне исполнилось 15 лет, батюшка вдруг подзывает меня, это было

в конце мая, ставит к двери, берёт линейку, карандаш и говорит: «Так, ну давай-ка измерим тебя». И отчеркнул. Затем почти каждую неделю опять измеряет и приговаривает: «Смотри-ка, ещё прибавилось!» И так продолжалось почти до конца августа. И вдруг он прекратил. Я стал просить, а он говорит: «Ты что, хочешь выше Бога стать?» За эти менее чем 3 месяца я так сильно вырос, раздвинулся в плечах, что когда 1 сентября зашёл в класс, то был общий вопль: «Ой, Алик-то какой!» Объяснить это обычным изменением в переходном возрасте невозможно, поскольку процесс роста в этот период продолжается годами. Я же больше не подрос ни на один сантиметр. Здесь всё неожиданно началось и столь же неожиданно закончилось в течение 2,5–3 месяцев.

ВАЛЯ

Однажды у моей двоюродной сестры семи лет заболел животик. Подсказали ей: зайди к батюшке в комнату, скажи ему. Она постучалась, вошла. Он её расспросил, погладил по головке, дал ей даже какую-то денежку, и она, размахивая ею, вышла. О том, что живот болел, она даже и не вспомнила.

ТЁТЯ ПОЛЯ

Однажды в 5 часов утра стучится к батюшке страшно перепуганная моя двоюродная сестра: «Батюшка, умирает моя мама, невыносимые боли, она уже как мёртвая, что делать?» Батюшка наливает столовую ложку кагора в стакан и говорит: «Дай ей выпить». Она выпивает и скоро засыпает. Потом у неё таких приступов больше не повторялось. Неужели столовая ложка кагора могла так быстро исцелить её от приступа в почках?

ТРИ ДНЯ ПРИЧАЩАЛАСЬ

Приехала издалека одна незнакомая женщина, по каким-то трудным обстоятельствам в жизни. Отец Никон её принял, поисповедовал и сказал, чтобы она на следующий день причащалась. Она так сделала и хотела уехать. А он говорит: «Нет, нет, оставайся. Завтра ещё раз причастись». Она удивилась, но послушалась. Осталась, причастилась и приходит, чтобы проститься. А он опять говорит: «Нет, останься ещё на день и причастись. Она отвечает: «Батюшка, меня же там ждут!» Он же твёрдо говорит: «Нет, нет, нет, останься». Она послушалась, осталась,

причастилась. И он говорит: «Ну, вот теперь езжай». В Москве её на- смерть сбивает трамвай. Случай просто невероятный, такая подготовка к кончине!

НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА

Она в отчаянии, ей срочно нужно было ехать в Москву на операцию, а денег не было и занять не у кого. И вдруг её неожиданно догоняет иг. Никон и даёт конверт, в котором была необходимая сумма. Лично они знакомы не были.

АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ

Где-то дней за 10 перед своей кончиной батюшка попросил, чтобы зачитали то место из жития преподобного Амвросия Оптинского, где говорится, что по его кончине от тела начался запах тления. Эту просьбу исполнили, не придав ей никакого значения. Но накануне погребения отца Никона во второй половине ночи на 9 сентября двое из читавших по два часа Евангелие у гроба один за другим ощутили сильный запах тления. Огорчение трудно передать — что будет за литургией, когда на отпевание придёт народ? Однако произошло нечто поразительное. Запах продолжался только три-четыре часа и прекратился. Уже при последующем чтении Евангелия ночью и затем при совершении литургии, при отпевании, во время погребения ни малейшего запаха уже не было!

КОНЧИНА

Последнее время беспокоились, как бы батюшка не скончался один. Но он твёрдо заверил: «Не беспокойтесь, когда надо, всех позову». И действительно, когда 7 сентября в полдень он тихо кончался, все собрались около него в эти минуты и со свечами в руках совершили отходные молитвы.

ПРАЗДНИК

В день погребения храм был переполнен, как на Пасху. Все стояли со свечами. Многие плакали. Ещё бы — все переживали кончину своего любимого наставника. Но произошло такое, что поразило многих, — они ощутили необычные мир и радость в душе, когда происходило отпевание. Эту непонятную радость и чувство какого-то большого праздника настолько сильно ощущали и не могли скрыть даже самые близкие

и родные батюшки, что просто удивлялись. И уже потом тайну этого состояния открыл великий учитель батюшки Никона святитель Игнатий (Брянчанинов). Он написал такие удивительные слова: «Видел ли кто тело праведника, оставленное душою? Нет от него зловония, не страшно приближение к нему; при погребении его печаль растворена какою-то непостижимую радостью. Черты лица, застывшие такими, какими они изобразились в минуты исшествия души, иногда почивают в глубочайшем спокойствии, а иногда светит в них радость усладительных встречи и целования — конечно с Ангелами и с ликами святых, которые посылаются с неба за душами праведников» (Игнатий (Брянчанинов) 1905: 384).

ПОМИНКИ

Дома, естественно, готовили поминки человек на 30. В храм пришло несколько сот человек. И вот мой двоюродный брат, который служил священником с батюшкой Никоном последние 10 лет, вдруг по окончании отпевания с амвона объявляет: «А теперь, пожалуйста, если кто желает помянуть батюшку игумена Никона, то заходите к нам». Вы понимаете, что это такое? На 30 человек готовили. А тут сотни. Как быть? У него спрашиваем: «Что ты сделал?» Он, бедняга, сам не знает. И вот что было дальше.

Факт, который совершился на наших глазах. Приходит группа 30 человек, сажают за стол, угощают. Уже ждёт другая группа. А там уже стоят другие — ну как же не помянуть батюшку Никона. И так несколько групп. И из тех же кастрюль, чугунов, сковород опять накладывают. И всем хватило! Оказывается, не только пятью хлебами Христос накормил пять тысяч, но как сказал: *и се, Я с вами во все дни до скончания века*, — так и совершает!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО К ПРИХОЖАНАМ ГОРОДА ГЖАТСКА

22 августа 1963 г.

Дорогие прихожане!

Почти 15 лет я служил в этом храме. Несомненно, кого-нибудь обидел, многие, может быть, остались недовольны мною. Вот я отхожу в вечность и при гробе прошу прощения у всех. Сам я крайне доволен всеми прихожанами, от многих видел искреннюю любовь к себе. Благодарю всех, и любящих, и недовольных, всех благодарю и искренне

у всех прошу прощения. Земно кланяюсь вам, простите меня ради Христа, не помяните злом.

Кто может, хоть изредка поминайте о упокоении грешного вашего священника.

Всё время я старался от всей души наставить вас на правильный путь. Большинство не понимает христианства. Некоторые поняли; поняли, что самое главное — понуждать себя к деланию заповедей Христовых и каяться в своих недостатках и нарушениях заповедей, каяться всегда, считать себя негодными для Царствия Божия, умолять Господа о милости, как мытарь: Боже, милостив буди мне, грешнику.

Вот мой завет умирающего: кайтесь, считайте себя, как мытарь, грешниками, умоляйте о милости Божией и жалеете друг друга.

А кто из вас обидел меня, кто ненавидел (были такие) праведно или ложно, да простит вам всем Господь. От искреннего сердца прошу, чтобы Господь всех вас простил и вразумил, и привёл ко спасению.

Благословение Божие да будет со всеми вами во веки. Поминайте меня, грешного. Аминь.

13 августа 1963 г.

ЗАВЕЩАНИЕ

Очень прошу всех родных и близких твёрдо держаться православной христианской веры и прилагать до смерти все усилия ко спасению души через исполнение евангельских заповедей и частого (не меньше одного раза в год¹⁴) исповедания грехов и причащения. В течение моей жизни я находил утешение в самых тяжких обстоятельствах и искушениях людских — в вере в Господа Иисуса Христа и в молитве.

Прошу жалеть и любить друг друга, помогать взаимно в материальной и духовной нужде. Где мир и любовь — там Бог, там радость и спасение, а вражда и зависть от дьявола.

Спасайтесь.

И. Никон

¹⁴ Завещание было адресовано и к тем людям, среди которых были и считавшие нормальным причаститься один раз в несколько лет. Батюшка советовал причащаться не реже одного раза в месяц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. [и авт. примеч.] М. Е. Губонин. — Москва : Изд-во Православ. Свято-Тихонов. богослов. ин-та : Братство во имя Всемилоостивого Спаса, 1994. — 1063 с.

Вениамин (Федченков), митр. Письма о монашестве. — М., 2003. — 190 с.

Епископ Игнатий (Брянчанинов). Письма к Антонию, игумену Черемецкому. — М., 1875. — 41 с.

...И даны будут Жене два крыла: сб. к 50-летию Сергея Фомина. — М., 2002. — 703 с.

Игнатий (Брянчанинов), свт. Творения. — СПб., 1905. — Т. 1. — 570 с.

Иларион (Алфеев), митр., Олег Корытко, прот., Валентин Васечко, прот. История религий. — М. 2016. — 776 с.

Иоанн Кронштадтский, св. Предсмертный дневник. — М., 2003. — 349 с.

Кривонос Фёдор, свящ. У Бога мёртвых нет. — Минск, 2007. — 240 с.
Новосёлов М. А. Письма к друзьям. — М., 1994. — 352 с.

Письма митр. Филарета епископу Иннокентию (Сельно-Кринову). Письмо 55, январь 1828 // Прибавления к изданию святых отцов. — Ч. 24. — М., 1871.

Письма митр. Филарета епископу Иннокентию (Сельно-Кринову). Письмо 137, январь 1828 // Прибавления к изданию святых отцов. — Ч. 25. — М., 1872.

Столп Православной Церкви. — Петроград, 1915. — 844 с.

Феофан, свт. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. — М., 2008.

Флоровский, Г. В. Пути русского богословия. — Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1981. — 599 с.

Сведения об авторе:

Осипов Алексей Ильич — доктор богословия, заслуженный профессор Московской духовной академии, 141300, Московская область, Сергиев Посад, Территория Лавра, Академия.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 13.11.2022; принята к публикации 18.04.2023.

A. I. Osipov

MOSCOW THEOLOGICAL ACADEMY,
SERGIEV POSAD, RUSSIA

The Origins of Catastrophe and Our Last Mohicans. Hegumen Nikon (Vorobyov)

Abstract. This article narrates the life journey, theological ideas, and pastoral practices of one of the eminent Orthodox ascetics in the history of the Russian Orthodox Church — Hegumen Nikon (Vorobyov) (1894–1963). In his youth, influenced by the spirit of the time, he was initially an atheist, fervently studied various sciences and philosophy. However, not finding what he sought in philosophy, he ardently turned to faith. In the “borderline state”, his soul experienced a somersault, and God revealed Himself to the one who sought Him with all the strength of his soul. In Minsk in 1930, Nikolai took monastic vows. He was given the name in honor of Hegumen Nikon of Radonezh, and later was ordained as a hieromonk. At that time of persecutions, this step was a true renunciation of the world and a direct path to Golgotha. In 1944, he was appointed the abbot of the Annunciation Cathedral in the city of Kozelsk. Here, he lived in an apartment held by nuns and kept a truly ascetic lifestyle. In a small room, he spent all his free time in prayer. His sermons made a strong impression on the believers, as he explained the Gospel, taught how to pray correctly, what humility and repentance meant as the foundations of spiritual life. In 1948, Father Nikon began to be driven from one parish to another: initially transferred to Belyov, then to Efremov, and further to Smolensk. His excellent sermons made many people restless, including, quite often, his fellow brethren. In 1948, from Smolensk, he was sent to the city of Gzhatsk (now Gagarin) — according to the father,

in exile. Father Nikon led a strict monastic life. He had the gift of unceasing prayer, which was discovered accidentally. Hegumen Nikon's constant readings included patristic writings, the Fathers of the Philokalia, the lives of saints, sermons, expoundings, and rarely — scientific, theological and philosophical works. Especially diligently and constantly he re-read and studied the works of St. Ignatius (Bryanchaninov), whom, being a truly spiritual father, he strongly recommended to all his spiritually close ones. The essence of his instructing was beautifully expressed in his letters, which were repeatedly published under various titles: "Repentance Is Left to Us", "Letters on Spiritual Life", "Give Heed to Yourself", and others. He spoke and wrote about the essence of the Savior's preaching, calling for spiritual and moral self-change through recognizing the damaged nature of humanity and its inability to heal itself from passions, primarily from the most foolish one — pride. Through this self-awareness, true repentance could be accomplished, turned to Christ the Savior, Who heals us.

Keywords: Hegumen Nikon (Vorobyov), history of the Russian Orthodox Church, revolution, Soviet times, religious persecution

For citation: Osipov, A. I. (2023). The Origins of Catastrophe and Our Last Mohicans. Hegumen Nikon (Vorobyov). *Orthodoxia*, (4), 30–57. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-4-30-57

REFERENCES:

Akty sviateishego patriarkha Tikhona i pozdneishie dokumenty o preemstve vysshei tserkovnoi vlasti. 1917–1943 gg. [Acts of His Holiness Patriarch Tikhon and Later Documents on the Succession of the Supreme Church Authority. 1917–1943]. (1994). Moscow: Izd-vo Pravoslav. Sviato-Tikhonov. bogoslov. in-ta: Bratstvo vo imia Vsemilostivogo Spasa. [In Russian].

Veniamin (Fedchenkov), Metropolitan. *Pis'ma o monashestve* [Letters about Monasticism]. (2003). Moscow. [In Russian].

Ignatius Brianchaninov. *Pis'ma k Antoniiu, igumenu Cheremenetskomu.* [Letters to Anthony, Hegumen Cheremenetsky]. (1875). Moscow. [In Russian].

...*I dany budut Zhene dva kryla: sbornik k 50-letiiu Sergeia Fomina*. [...And Two Wings Will Be Given to the Wife: a Collection for the 50th Anniversary of Sergei Fomin]. (2002). Moscow. [In Russian].

Ignatius Brianchaninov. *Tvoreniia* [Works] (Vol. 1). (1905). Saint Petersburg. [In Russian].

Ilarion (Alfeev), Metropolitan, Korytko, O., priest, Vasechko, V., Protoiereus. *Istoriia religii* [History of Religions]. (2016). Moscow. [In Russian].

John of Kronstadt. *Predsmertnyi dnevniki* [The deathbed diary]. (2003). Moscow. [In Russian].

Krivosos Fedor, priest. *U Boga mertvykh net* [God has no dead]. (2007). Minsk. [In Russian].

Novoselov, M. A. *Pis'ma k druž'am* [Letters to friends]. (1994). Moscow. [In Russian].

Pis'ma mit. Filareta episkopu Innokentiiu (Sel'no-Krinovu). Pis'mo 55, ianvar' 1828 [Letters from mit. Filaret to Bishop Innokenty (Selno-Krinov). Letter 55, January 1828]. (1871). In *Pribavleniia k izdaniuiu sviatykh ottsov*. — Ch. 24. Moscow. [In Russian].

Pis'ma mit. Filareta episkopu Innokentiiu (Sel'no-Krinovu). Pis'mo 137, ianvar' 1828 [Letters from mit. Filaret to Bishop Innokenty (Selno-Krinov). Letter 137, January 1, 1828]. (1872). In *Pribavleniia k izdaniuiu sviatykh ottsov*. — Ch. 25. Moscow. [In Russian].

Stolp Pravoslavnoi Tserkvi [A Pillar of the Orthodox Church]. (1915). Petrograd. [In Russian].

Theophan the Recluse. *Put' ko spaseniiu. Kratkii ocherk asketiki* [The way to salvation. A brief outline of asceticism]. (2008). Moscow. [In Russian].

Florovsky, G. V. *Puti russkogo bogosloviia* [The Ways of Russian Theology]. (1981). Parizh: IMKA-PRESS. [In Russian].

About the author:

Alexei Ilich Osipov — Doctor of Theology, Distinguished Professor of Moscow Theological Academy, Academy, Holy Trinity Lavra, Sergiev Posad, Moscow Region, Russia, 141300.

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 13.11.2022; accepted for publication 18.04.2023.